

ЭКОНОМИКА

УДК 33(470+571)(043.3)

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕСУРСООРИЕНТИРОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

В. В. Киушина

Саратовский государственный университет
E-mail: vivacious@yandex.ru

В статье рассмотрены дисбаланс и противоречия, формирующиеся в контексте экспортно-сырьевой специфики национальной экономики. Обозначены экономические проблемы, связанные с наделенностью страны природными ресурсами. Выявлена связь между высокой долей ресурсного экспорта страны и негативными социально-экономическими последствиями для ее развития.

Ключевые слова: сырьевая модель экономического развития, ресурсные ограничения экономического развития, «проклятие ресурсов», теория рентиискательства, «голландская болезнь», ресурсы знаний.

V. V. Kiushina

Specifics of National Resource-Oriented Economies Development

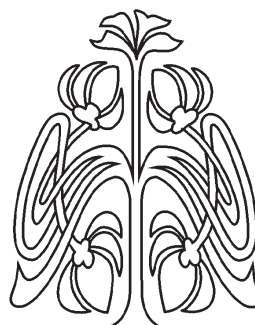
The article deals with the imbalances and contradictions emerging in the context of the export of raw materials specifics of the national economy. A relationship between a high proportion of resource exports and negativities of socio-economic impacts for its development is detected.

Key words: raw model of economic development, resource constraints of economic development, «resource curse», theory «rentoiskatelstva», «Dutch disease», knowledge resources.

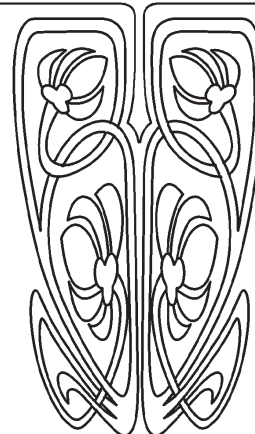
Экономика России обладает значительным ресурсным потенциалом: развитой сетью природных месторождений, большими, пока еще сохраняющимися промышленно-производственными мощностями, достаточной обеспеченностью материального производства и непродуцированной сферы, высококвалифицированными кадрами и т. п. Безусловно, здесь кроются огромные возможности для дальнейшего развития национальной экономики. Вместе с тем существуют гораздо более значительные «болезненные стороны» ресурсной базы страны, накладывающие на её экономическое развитие жесткие ограничения, за которые выйти не под силу без дополнительного воздействия, экономическая динамика. Закономерность состоит в том, что чем менее развита национальная экономика, тем жестче ресурсные ограничения ее развития.

При исследовании влияния ресурсных ограничений на развитие национальной экономики нельзя не учитывать, в каком из двух равновесий находится национальная экономика – производственном или присвоения. В режиме равновесия присвоения, свойственном современной экономике России, рост потребления природных ресурсов отрицательно влияет на экономическое развитие. В режиме производственного равновесия природные ресурсы положительно влияют на качество экономического роста. К аналогичным выводам приходят исследователи, занимающиеся проблемами так называемого проклятия ресурсов¹.

Гипотеза о «проклятии ресурсов» в ее традиционном понимании сводится к тому, что национальные экономики, обладающие большим объемом сосредоточенных природных ресурсов (нефти, газа, угля, цветных металлов), как правило, развиваются медленнее, чем близкие

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

по характеристикам, но менее богатые ресурсами. Казалось бы, национальные экономики, наделенные ресурсами, при прочих равных условиях должны развиваться быстрее других, однако на практике темпы роста ресурсоизбыточных экономик могут быть как выше, так и существенно ниже темпов роста аналогичных экономик, не имеющих ресурсов². В этой связи возникает вопрос о механизмах влияния ресурсного изобилия на развитие национальной экономики. Условно их можно разделить на две группы – институциональные и технологические.

Институциональные механизмы влияния ресурсного изобилия на развитие национальной экономики экономисты объясняют теорией рентоискательства. Суть теории рентоискательства сводится к следующему. Когда в стране нет природных богатств, то богатство приходится добывать производительной деятельностью, блага от которой достаются большинству граждан. Если же страна богата одарена природными ресурсами, то ее бизнесмены и политики склонны больше заниматься рентоискательством (деятельностью, направленной не на создание новых доходов, а на перераспределение ранее созданных), чем производством. Зачем, к примеру, предпринимателям Анголы или Либерии развивать национальную промышленность, если алмазы буквально «валяются под ногами»? Куда проще, используя дешевый труд неквалифицированных работников, торговать «готовым» товаром, причем не только официально, но и контрабандно. Легкость получения высоких доходов от экспорта природных богатств стимулирует инвестиции не в развитие производства, а в борьбу за власть, за перераспределение «легких денег». Именно поэтому в Западной Африке десятилетиями идут гражданские войны, обусловленные не столько идеологическими различиями, сколько борьбой разных группировок за контроль над доходами от экспорта ресурсов. Коррупция в странах этого региона одна из самых высоких в мире. В результате природные богатства превращаются в социальное бедствие – элита богатеет, а население живет в нищете.

Предотвратить рентоискательскую деградацию национальной экономики могли бы институты гражданского общества, препятствующие развитию коррупции и теневого сектора. Но слабость развитости этих институтов в странах «третьего мира» создает широкие возможности для развития рентоискательства. В этой связи важно учитывать, что точка зрения об отрицательном влиянии изобилия ресурсов на качество институтов не является доминирующей среди исследователей. В некоторых работах рассматриваются все природные ресурсы – и сосредоточенные (нефть, газ, уголь, минералы), и распределенные (лес, рыба, водные, земельные ресурсы)³. Полагая, что наделенность распределенными ресурсами оказывает на развитие национальной

экономики скорее положительное влияние, при рассмотрении всех природных ресурсов можно получить любой результат. В регрессиях ресурсное богатство влияет на экономический рост и институты по двум каналам. Во-первых, оно вносит положительный вклад в ВВП страны, в том числе и в начальный ВВП на душу населения, который выступает в качестве контрольной переменной. Во-вторых, оно может ухудшать качество институтов, оказывая тем самым негативное влияние на развитие национальной экономики. При контроле на действительный начальный уровень ВВП влияние ресурсного богатства в линейных регрессиях чаще всего отрицательное либо незначимо. Если же исключить его воздействие на начальный ВВП, то совокупное (по двум каналам) влияние ресурсного изобилия в принципе может оказаться и положительным, и отрицательным⁴.

Х. Мехлум, К. Моене и Р. Торвик предложили модель, демонстрирующую, что при плохих институтах изобилие ресурсов негативно влияет на развитие национальной экономики, а при хороших – позитивно⁵. Если рента велика и рентоориентированная активность (лоббирование, коррупция, захват собственности) не пресекается, инвесторам выгодно вкладывать средства в присвоение ренты; если же такая активность слишком рискованна, то вложения в ренту они предпочитают вложения в производство. В первом случае инвестиции оказываются бесполезными для национальной экономики, а во втором ускоряют экономический рост.

Следует подчеркнуть, что все теоретические аргументы в пользу гипотезы «ресурсного проклятия» основаны на предположении, что государство в лице правительства не хочет или не способно осуществлять меры по преодолению негативных тенденций. Высокие доходы, в принципе, позволяют и стимулировать заимствование передовых технологий, и финансировать обучение специалистов, и лучше оплачивать структуры, ответственные за поддержание законности. Следовательно, влияние ресурсного изобилия на институты во многом зависит от того, является позиция государства в этом смысле активной или пассивной. Представляется, что долю природных ресурсов в экспорте страны можно рассматривать как косвенный индикатор активной позиции государства, его желания и умения избежать негативного влияния ресурсного изобилия на развитие национальной экономики. Если государство не хочет или не может диверсифицировать экспорт, то эффективность его экономической политики низка, а потому следует ожидать, что другие показатели качества институтов (индекс правопорядка, индекс контроля над коррупцией) будут сравнительно низкими.

Практика показала, что относительно высокая доля сырья в экспорте при прочих равных условиях ассоциируется с более низким качеством

институтов. И если начальное качество институтов низкое, то обнаружение богатых источников сосредоточенных ресурсов еще больше его ухудшает. Если же исходное качество институтов достаточно высоко, обнаружение дополнительных источников дохода способствует дальнейшему улучшению институтов. Так, ряд стран – экспортеров углеводородов имеет довольно высокие показатели качества институтов. Наряду с Норвегией к их числу относятся государства с формой правления, близкой к конституционной монархии, – Бахрейн, Бруней, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман⁶.

Есть и другие, более сложные – технологические – механизмы влияния ресурсного изобилия на развитие национальной экономики, от которого страдают не только развивающиеся, но и развитые страны мира. Экономисты связывают эти механизмы с «голландской болезнью»⁷. Считается, что замедление развития национальной экономики вызвано тем, что в более доходный, но менее наукоемкий ресурсный сектор (сектор экономики, занятый добычей природного сырья – нефти, меди, древесины и т. д.) переливаются ресурсы из других секторов экономики.

Если продукция ресурсного сектора пользуется на мировом рынке высоким и устойчивым спросом, в нем происходит рост зарплаты и нормы прибыли, в него переходят предприниматели и работники из других отраслей. Однако добыча природных ископаемых сама по себе не способствует развитию научно-технического прогресса. В результате в стране с приоритетно развитыми добычей и экспортом природных ресурсов слабо развиваются новейшие наукоемкие отрасли (электроника, атомная энергетика, нано- и биотехнологии и др.). К тому же национальная экономика становится слишком зависимой от мировых цен на экспортируемые сырьевые продукты, снижение которых способно спровоцировать сильнейший экономический кризис в стране. Так, если в 1960–1970-е гг. нефтеэкспортирующие страны «третьего мира» развивались заметно быстрее других стран этой группы, то уже в 1980–1990-е гг. из-за снижения мировых цен на нефть они стали развиваться хуже всех (таблица).

Согласно теориям эндогенного роста падение предельной производительности труда и капитала компенсируется экстерналим эффектом, возникающим в процессе накопления знаний, создания или имитации новых технологий. Суть этого эффекта состоит в том, что знание, накопленное одним агентом, становится более доступным и для остальных, поэтому общественные выгоды больше издержек, исчисленных в рыночных ценах.

В качестве отступления заметим, что в перспективе знания вообще могут рассматриваться как неограниченный ресурс, хотя в каждый конкретный момент времени они и ограничены. Единица стоимости, по Марксу, есть некий «общепризнанный относительный эквивалент», для создания которого необходимы знания и труд. А чем меньше знаний, имеющих прикладную ценность, тем больше труда придется затратить для производства стоимости – и наоборот, при наличии знания можно минимизировать затраты труда. При нескольких переделах сырья появляется понятие «прошлый труд» как затраченный при предыдущем переделе. А это уже стоимость обобщенного ресурса для последующего технологического передела продукции. Поэтому в системе координат труд может быть обозначен как «ресурс», способный изменяться от нуля до бесконечности. Академик В. И. Вернадский отмечал, что научно-технический прогресс – это единственный процесс в развитии человека, который, как и время, никогда не прерывался и не поворачивал вспять⁸. Следовательно, предлагаемые координатные оси равноценны. А поскольку единицу стоимости можно принять как величину краткосрочно постоянную, то между трудом и знанием выводится обратная зависимость:

$$\text{знания} = \frac{\text{единица стоимости}}{\text{труд}}$$

При интенсификации труда (уменьшении затрат физического труда на единицу продукции) знания в единице стоимости стремятся к бесконечности. Единица стоимости (понимаемая как эквивалент) при этом не изменится. Верно также и обратное утверждение: при отсутствии знаний и навыков для получения единицы стоимости

Динамика роста ВВП на душу населения в нефтеэкспортирующих развивающихся странах за 1960–1998 гг.

Страны	Среднегодовой темп роста среднедушевого ВВП, %	
	1960–1980 гг.	1980–1998 гг.
Все развивающиеся страны	3,0	0,2
Нефтеэкспортирующие развивающиеся страны	5,2	–2,1
Остальные развивающиеся страны	2,7	0,5

Источник: Неуловимое проклятие // Теория и практика бизнеса: сб. задач для вузов по материалам газеты «Ведомости» и журнала «Smart Money». 2007. № 1. С. 9.

можно затратить бесконечное количество труда. Эта простая зависимость позволяет сделать вывод о том, что знания, будучи «интеллектуальным потенциалом нации», в долгосрочном плане есть ресурс неограниченный (если только нация имеет нормальную систему фундаментального образования и организацию востребованности научных результатов как товара). Следовательно, «умственное» ограничение имеется только в средне- и краткосрочном плане в зависимости от соответствующих национальных «уровней развития науки и техники». Особенно актуально это для современности, поскольку «создание экономической стоимости в условиях глобализации все менее сопряжено с количественно измеримыми результатами труда и все более зависит от целенаправленного использования общественного знания. С точки зрения экономической эволюции это означает, что прикладные знания в виде производства высокотехнологичной продукции становятся эквивалентом все большего количества традиционных промышленных изделий»⁹. В свое время еще К. Маркс в «Капитале» предсказывал, что «в условиях высокого уровня автоматизации количественно измеримое рабочее время не будет служить основой общественного богатства»¹⁰.

Одна из концепций накопления знаний использует идею «обучения в процессе деятельности», согласно которой инвестиции и/или труд оказывают на производство не только непосредственное, но и косвенное, экстернальное влияние. Сила этого влияния больше, если инвестиции или труд направлены в высокотехнологичные отрасли, и меньше, если они используются в добывающем секторе или секторе услуг с их простыми технологиями¹¹. В результате действия экстерналий «голландская болезнь» не только приводит к деиндустриализации национальной экономики, но и тормозит экономический рост. Доминирование простых технологий замедляет процесс накопления знаний и не способствует увеличению спроса на человеческий капитал. В итоге население страны не заинтересовано инвестировать в образование, а значит, уровень национального человеческого капитала остается низким.

Рынок всегда «недоиспользует» экстерналии, и при обилии ресурсов степень их «недоиспользования» увеличивается. Поэтому необходимость их активизации выступает аргументом в пользу нерыночного регулирования. Для коррекции «провалов рынка» необходимо либо квалифицированное государственное вмешательство, либо воздействие со стороны институтов гражданского общества (например, поддержка научных исследований и разработок частными фондами), что, в свою очередь, предполагает высокое качество экономических институтов и проводимой государством экономической политики.

Но наличие богатых природных ресурсов вовсе не обязательно ведет к торможению экономического роста и развития национальной экономики. Богатые ресурсами страны способны проводить ответственную макроэкономическую политику, поддерживать высокий уровень инвестиций в ВВП. Но при этом ни в одной из крупных ресурсных стран не наблюдается «экономического чуда». Из них лишь Индонезия добилась довольно высоких темпов экономического роста. В течение трех десятилетий – с 1967 по 1997 гг. – ее ВВП ежегодно увеличивался в среднем на 6%, а среднедушевой ВВП – на 3,9%. Доля нефти и газа в общем объеме экспорта возросла с 35% в 1960–1968 гг. до 80% в 1974–1983 гг., а к 2006 г. упала до 22%¹².

Квалифицированная национальная политическая элита может избежать рентоискательства и «голландской болезни», целенаправленно стимулируя диверсификацию национальной экономики, даже если эта политика на первых порах требует высоких издержек. Примером грамотной эксплуатации природных богатств нации является экономика Объединенных Арабских Эмиратов. В этой стране текущие доходы от нефти не только «проедаются» (тратятся на обеспечение всем гражданам высокого уровня жизни), но и откладываются в специальный резервный фонд будущих расходов, а также расходуются на подъем других отраслей экономики (в первую очередь туристического бизнеса). И создать столь эффективную национальную экономическую модель в этом монархическом государстве удалось без традиционных для западных стран демократических институтов.

Таким образом, национальные экономики, обладающие большим объемом сосредоточенных природных ресурсов, развиваются медленнее, чем близкие по характеристикам, но менее богатые ресурсами национальные экономики. Выделяются технологические и институциональные механизмы влияния ресурсного изобилия на экономическое развитие. Технологические механизмы связаны с «голландской болезнью», институциональные – с теорией рентоискательства.

Современные национальные экономики, богатые ресурсами, сталкиваются с фундаментальным противоречием. Несостоятельность рынка требует государственного вмешательства, а низкое качество институтов обуславливает его неэффективность. Под влиянием мировых цен складывается международное разделение труда, при котором изобилие ресурсов и относительная дешевизна рабочей силы вынуждают страну, избравшую догоняющий путь экономического развития, делать ставку на ресурсный сектор в ущерб развитию отраслей с более сложной технологией, предъявляющих спрос на человеческий капитал относительно высокого качества. В этом проявляется «технологическое проклятие ресурсов».

Для преодоления «технологического проклятия ресурсов» необходимы эффективные институты и соответствующая промышленная политика государства. Однако обилие ресурсов приводит к закреплению недоразвитости или ухудшению качества институтов. Тем самым порождается «институциональное проклятие ресурсов». Благодаря сочетанию этих «проклятий» национальная экономика оказывается в ловушке медленного развития. Россия – типичная ресурсная страна со свойственным ей набором ресурсных ограничений развития национальной экономики. Для того чтобы она могла эффективно использовать имеющееся ресурсное богатство, должны совершенствоваться ее институты и проводимая государством экономическая политика, что возможно лишь на основе всестороннего изучения особенностей формирования ресурсных ограничений и определения степени их влияния на развитие национальной экономики. Из этого следует, что влияние природных ресурсов на экономическое развитие и конкурентоспособность национальной экономики является неоднозначным, разноректорным и постоянно меняющимся.

Примечания

- ¹ Подобные исследования начались с работы Дж. Сакса и Э. Уорнера, в которой был выдвинут тезис о том, что экономики, обладающие большим количеством природных ресурсов, растут медленнее других (см.: *Sachs J. D., Warner A. M. Natural Resource Abundance and Economic Growth / NBER Working Paper Series. Working Paper 5398. 1995*).
- ² См.: *Тамбовцев В., Ваяшова Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 56*.
- ³ По этому пути в своих исследованиях пошел, в частности, К. Брунншвайлер. См.: *Brunnschweiler C. N. Cursing the Blessings? Natural Resource Abundance, Institutions And Economic Growth / ETH Economics Working Paper Series. 2006. № 51*.
- ⁴ По такому пути пошли, в частности, М. Алексеев и Р. Конрад. В их расчетах ресурсы ускоряют экономический рост, а на экономические институты влияют негативно и слабо значимо (на уровне 10%). См.: *Alexeev M., Conrad R. The Elusive Curse of Oil / SAN Working Papers. 2005. № 7*.
- ⁵ См.: *Mehlum H., Moene K.O., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // Economic Journal. 2005. Vol. 116, № 508. P. 1–20*. Близкие результаты получили Г. Карташов и Е. Чистяков (см.: *Карташов Г. Экономический рост и качество институтов ресурсоориентированных стран / NES Master Thesis. 2006 ; Чистяков Е. Природные ресурсы, коррупция и обрабатывающая промышленность в малой открытой экономике / NES Master Thesis. 2006*).
- ⁶ См.: *Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 14*.
- ⁷ Поскольку это влияние впервые исследовалось на примере Нидерландов 1960–1970-х гг., оно получило название «голландская болезнь». См.: *Corden M., Neary J. Country Reports on Economic Policy and Trade Practices / Bureau of Economic and Business Affairs, US Department of State. 2002 ; Krugman P. R. The Narrow Moving Band, the Dutch Disease and the Competitive Consequences of Mrs. Thatcher // Journal of Development Economics. 1987. Vol. 27. P. 41–55 ; Matsuyama K. Agricultural Productivity, Comparative Advantage, and Economic Growth // Journal of Economic Theory. 1992. Vol. 58. P. 317–334*.
- ⁸ См.: *Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как «планетное» явление. М., 1977*.
- ⁹ Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / под ред. В. В. Попкова. М., 2007. С. 23.
- ¹⁰ *Маркс К. Капитал : в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 34*.
- ¹¹ Теория «голландской болезни» обосновывает, что сила влияния экстерналий приводит к концентрации труда и капитала в секторе услуг (неторгуемых товаров).
- ¹² См.: *Полтерович В., Попов В., Тонис А. Указ. соч. С. 26*.